

О ПРИНЦИПАХ КОГНИТИВНО-РИТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Э. Р. ЛАССАН

Предметом предлагаемой статьи является когнитивно-риторический анализ дискурса определенной эпохи общественной жизни – середины "знаменитых" 60-х годов. Этот дискурс в нашем исследовании представлен двумя группами текстов, объединенных тем, что они связаны с определенным событием общественной жизни – судебным процессом над писателями Ю. Даниэлем и А. Синявским – и различающихся направлением выражаемой ими политической мысли. Перед нами своеобразный диалог (спор, полемика) двух дискурсий – дискурсии, выражающей официальную точку зрения власти на указанное событие (в дальнейшем: дискурс обвинения, или власти), и дискурсии инакомыслия – тех, кто выразил не совпадающую с официальной точку зрения и выступил в защиту подсудимых. Тексты, составляющие эти дискурсии, принадлежат различным авторам. "О реальном авторе, как он существует вне высказывания, мы можем ровно ничего не знать, и формы этого реального авторства могут быть очень различны, каждое произведение может быть продуктом коллективного труда, может создаваться преемственным трудом ряда поколений и т.п. – все равно мы слышим в нем единую творческую волю, определенную позицию, на которую можно диалогически реагировать. Диалогическая реакция персонафицирует всякое высказывание, на которое реагирует", – писал М. М. Бахтин (Бахтин, 1979, 21). Это наличие единой позиции, на которую диалогически реагирует другая позиция, и позволяет рассматривать дискурс, состоящий из множества текстов различных авторов, как нечто целост-

ное, отвлекаясь от индивидуального своеобразия авторских текстов.

Дискурсии власти, как известно, уделялось большое внимание во французском постструктурализме. "... Любой политический режим располагает своим собственным письмом" (Барт, 1983, 317) – создает свою речевую практику, которая, по Ж. Лиотару, стремится утвердить себя в качестве универсальной, истинной и справедливой и тем самым ставит другие речевые практики в подчиненное положение. (см. Современная западная философия, 1991, 158). Можно сказать, используя термины данного направления, что каждая власть играет в свою "языковую игру" – термин принадлежит Л. Витгенштейну и прилагается к обозначению целостных и законченных систем коммуникации, подчиняющихся своим внутренним правилам, нарушение которых выводит за пределы конкретной игры. Предлагаемый материал позволяет сопоставить две речевые практики: дискурсию власти и контрдискурсию – и выявить правила, обуславливающие "языковую игру" власти, а также те нарушения правил, которые делают речевую практику советского инакомыслия уже другой языковой игрой. С другой стороны, если исходить из того, что за системой фраз стоит система взглядов, то, анализируя особенности риторики как убеждающего стиля двух различных направлений общественной мысли, можно говорить о характере общественного сознания определенного периода в целом, как это делает А. Ковельман, изучая массовое сознание древнего Египта через "риторику в тени пирамид" – риторику эдиктов, исходящую от верхов, и риторику прошений, созданную низами (Ковельман, 1988).

Метод анализа целостного дискурса, который мы называли когнитивно-риторическим, основывается на трех идеях, достаточно популярных как в лингвистике, так и в литературоведении: это 1) теория деконструкции, связанная с именем французского постструктуралиста Ж. Деррида; 2) идея с наличием в сознании базовых метафор, связанная с

именами американских лингвистов Дж. Лакоффа и М. Джонсона; 3) риторические концепции М. Бахтина. Коротко охарактеризуем эти идеи. Как в свое время Ф. Соссюр полагал, что в языке нет ничего, помимо противопоставлений, так Ж. Деррида считает, что в дискурсии нет ничего, кроме различий. "Деконструировать дискурс, – по мнению другого видного постструктуралиста, – это показать... те иерархические оппозиции, на которые он опирается, отыскав и идентифицировав в тексте те риторические операции, которые обеспечивают предлагаемое основание аргумента – ключевое понятие или посылку" (см. Серль, 1992, 58). В качестве примера оппозиций, характерных для интеллектуальной истории Запада, можно привести следующие: речь / письмо, мужское / женское, правда / вымысел, буквальное / метафорическое и т. д. Деррида подчеркивает неравноценность членов бинарной оппозиции – в них существует позитивный член, господствующий над негативным, что и создает механизм власти в дискурсии, поскольку признается большая важность позитивного члена.

Идея выявления понятийных бинарных оппозиций в качестве стратегии анализа текста представляется нам весьма привлекательной прежде всего при анализе того, что Бахтин называет риторическими жанрами, – судебных, политических, разнообразных полемических текстов, ибо в самой их природе заложена антитеза. Полемический текст (а такими являются и обвинительные, и защитительные, ибо они выражают несогласие с текстом-стимулом, реакцией на который они порождаются) по своей природе направлен против иной мыслительной установки и строится потому как "оппозиция позиций", т.е. как выражение определененного отношения к явлению в терминах его принятия / непринятия. Появление публицистического текста, всегда является результатом некоторой полемики (имплицитной или эксплицитной), вызванной наличием альтернативного ценностного подхода к определенному явлению. Эта альтернатива ценностей и может быть выражена через

бинарные оппозиции, где позитивному члену, соответствующему ценностным ориентациям автора, противопоставлен негативный член.

Дискурсия власти обычно строится на апологии, пропаганде некоторых идей, понятий, лежащих в основе ее стратегии и противопоставляемых иным возможным идеям. Вполне вероятно, что конрдискурсия слагается из иной суммы бинарных оппозиций, выражающих ценностную противопоставленность идей. Поэтому, на наш взгляд, представляет интерес выявить некоторую сумму оппозиций понятий, характерных для общественного сознания на определенном историческом этапе.

Мы исходим из того, что публицистический текст представляет собой развертку или реализацию одной или нескольких бинарных оппозиций, лежащих в его основе и составляющих первый этап когнитивного процесса его порождения.

Вторым этапом, или уровнем, на котором осуществляется порождение текста, является, на наш взгляд, представление выявленных понятийных оппозиций через базовые метафоры. "Наша обыденная понятийная система, на языке которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична... Метафоры могут творить для нас реалии, в особенностях социальные реалии. ... Метафора может стать ориентиром для будущего действия (Лакофф, Джонсон, 1987, 145). Идея базовых метафор заключается в том, что значительная часть социальной реальности осмысливается в метафорических терминах, общих для всех членов данного социума. Из этих метафор выводятся следствия, которые высвечивают определенные стороны нашего опыта, определяют как речевое, так и неречевое поведение. Так, из базовой метафоры *спор – это война*, характерной для представляемой Дж. Лакоффом культуры, выводится взгляд на оппонента как на противника, в то время как в культуре, где спор трактуется в терминах танца, люди по-другому бы

рассматривали споры – как эстетически привлекательную игру (там же, 128).

Мы полагаем, что второй этап порождения публицистического текста можно представить как развертку оппозиции в мини-дискурс – концептуальную метафору, задающую определенное видение мира, которое, в свою очередь, позволяет нам особым образом осуществлять категоризацию действительности и детерминирует наши поступки. Так, если представить, что оппозицию некоторого дискурса составляют понятия *нравственность – безнравственность*, то можно предположить, что эта оппозиция может разворачиваться в дискурсе определенного направления далее в метафору *нравственный поступков служит делу революции* (о понимании метафоричности данных конструкций смотри: там же, 135), что, в свою очередь, может стать основой для классификации поступков на нравственные и безнравственные, а также служить побуждением к совершению определенных поступков.

Почему бинарные оппозиции, прежде чем развернуться в целостный текст, должны, по нашему мнению, пройти через этап опосредования их базовыми метафорами? В публицистических текстах бинарную оппозицию составляют идеи – достаточно абстрактные понятия, которые должны обрести некоторую плоть, быть переведены на язык более доступных и известных понятий, что и осуществляет в данном случае метафора.

Поскольку базовые метафоры задают способ видения и восприятия мира, постольку возможно предположить, что дискурс определенного общественного направления будет разворачиваться через некоторые базовые метафоры, отличные от базовых метафор контрдискурсии.

На третьем этапе порождения текста базовые метафоры получают соответствующее дискурсивное обеспечение. Если первые два этапа порождения текста носили чисто когнитивный характер – определялись имеющимися в сознании понятиями и их ценностной иерархией, то на тре-

твом этапе включаются риторические механизмы порождения текста – отбор языковых средств, композиционное построение, набор собственно риторических приемов воздействия на реципиента. С одной стороны, характер языковых средств диктуется базовой метафорой – так, базовая метафора *спор – это война* разворачивает себя через слова и выражения *противник, выиграть спор, атаковать аргументами, отстоять свои утверждения, нападать в споре* и т. д. С другой стороны, огромную роль в развертке текста играет, по Бахтину, фактор Другого, или адресата. "Этот учет / адресата / определяет и выбор жанра, и выбор композиционных приемов, и, наконец, выбор языковых средств... (Бахтин, 1986, 291). И далее: "Событие жизни текста, т. е. его подлинная сущность всегда развивается на рубеже *двух сознаний, двух субъектов*" (там же, 301).

Текст, по Бахтину, осуществляется и как реплика на предыдущее высказывание и как предвосхищение будущего, производимого другим речевым субъектом. Отсюда необходимость учета практических, идеологических условий речевого общения, обуславливающих функционирование речи.

Мы исходим из того, что текстовое обеспечение реализации базовых метафор обуславливается прежде всего характером адресата, в свою очередь определяющим интенцию адресанта, а содержание многих понятий, используемых в тексте, детерминировано историко-идеологическим контекстом.

Таким образом, текст предстает как трехуровневое образование: бинарные понятийные оппозиции → базовые метафоры → риторическое обеспечение. Каждый уровень описывается на основе соответствующих процедур, о которых будет сказано ниже.

По Бахтину, слово – всегда идеологический знак, выступающий средством социальной оценки. Мы понимаем этот тезис применительно к принципам нашего анализа

как то, что большинство смысловых единиц текста связано с лежащими в его основе оппозициями идей, а базовые метафоры задают направление развертки текста и обеспечивают отбор лексических средств под углом зрения, обусловленным самой метафорой как средством структурирования социальной реальности. С другой стороны, и отбор языковых средств, и композиция текста связаны с характером адресата, который формирует саму интенцию говорящего.

Вычленение трех уровней текста, соответствующих этапам его порождения, позволяет сопоставить дискурсы различных общественных направлений на каждом из уровней, что обеспечивает, на наш взгляд, большую структурированность процесса анализа.

Итак, когнитивный анализ дискурсов предполагает а) выявление мыслительных операций, задающих порождение самого текста; б) установление ключевых понятий, в терминах которых осуществляется категоризация действительности в определенную эпоху; в) их ценностную иерархию. Риторический анализ предполагает, с одной стороны, выявление риторических приемов и средств, через которые осуществляется воздействие на адресата, с другой – выявление таких элементов текста, появление которых мотивировано определенными мировоззренческими и психологическими установками данного направления. Таким образом, предлагаемый метод анализа позволяет решить одновременно две задачи: за системой фраз выявить систему взглядов и одновременно, через выделение на основе риторических операций базовых метафор и бинарных оппозиций – проследить процесс порождения текста от начальных идей до риторического обеспечения.

В ходе непосредственного анализа указанных дискурсов мы выделили четыре бинарные понятийные оппозиции, на которых строится практически весь дискурс, связанный с обвинительным процессом над писателями Ю. Даниэлем и А. Синявским, осужденными, как известно, на 5 и 7 лет за напечатание за границей художественных произведе-

дений, признанных на родине антисоветскими. Вот эти оппозиции: *коммунизм – антикоммунизм; патриотизм – антипатриотизм; законность – беззаконие; гуманизм – негуманизм*. Они по разному реализуются в дискурсии власти и контрдискурсии – разные по объему фрагменты текстов являются их воплощением, некоторые оппозиции не свойственны для того или иного дискурса.

Центральной оппозицией дискурса власти является оппозиция *коммунизм – антикоммунизм*. Эта оппозиция лежит в основе всех текстов, составляющих данный дискурс, большие фрагменты дискурса строятся именно на демонстрации противоположности этих идей, разворотка этой оппозиции составляет самые значимые по силе воздействия части текста – начало и конец. Процедура, на основе которой выделяется оппозиция, сводится к обнаружению в тексте противопоставленности двух понятий, одно из которых оценивается эксплицитно, – оценка второго понятия может быть как эксплицитной, так в тексте и не присутствовать, но индуцироваться по контрасту с оценкой первого явления. В анализируемом нами дискурсе первая фраза текста, явившегося своеобразным "забойщиком" всей обвинительной кампании – статьи Дм. Еремина "Перевертыши", – звучит так: "Враги коммунизма не брезгливы". Здесь сразу задается наличие противостояния *коммунизма* и того *не что*, что является ему враждебным и атрибутируется отрицательно оцениваемым признаком "не брезгливы". Противоположность идей как явление социальной реальности выражается через многочисленные словосочетания и высказывания: антикоммунистические писатели, враги коммунизма, научный коммунизм, который изменил мир (предполагается, что мир был иным – худшим), ненависть к социалистическому строю. "К каким только выдумкам не прибегал он, сиюсь доказать иллюзорность теории и практики коммунизма" (Кедрина). "Синявский – Терц и Даниэль – Аржак называют приспособленцами и черносо-

тенцами всех, кто открыто исповедует в своем творчестве идеологию коммунизма" (Еремин) и т. д.

Позитивным членом пары безусловно является первый член – *коммунизм*. Оценка выражена эксплицитно: "светлые идеалы коммунизма", "величие идей коммунизма". Однако в принципе в данной языковой игре и при невыраженной оценке это идеологическое понятие членами определенного социума оценивается всегда не просто положительно, а в высшей степени положительно. Вопрос об основаниях оценки не встает. "По Витгенштейну выходит так, – писал известный грузинский философ М. Мамардашвили, – язык есть не только система знаков, он есть также форма жизни, в которой люди, говорящие на этом языке, обрели свой модус существования; не следует искать... смысла, скрытого за знаками языка – это образ жизни. Люди живут нормально. А философ – это больной. Незнание структуры языка, на котором он говорит с другими, вынуждает его задавать вопросы..."? (Мамардашвили, 1992, 100). Тот, кто задавал вопросы относительно оснований оценки идеологического понятия *коммунизм* и близкого ему понятия *социализм*, уже не мог участвовать в "языковой игре" власти и в ряде случаев в буквальном смысле объявлялся больным. Тем не менее можно предположить, почему *коммунизм* члены достаточно широкого социума оценивали положительно, даже если они не были знакомы с теорией научного коммунизма. В определенных дискурсах, построенных на идее прогресса человеческого общества, коммунизм рассматривается как будущее, как то, что впереди. Движение вперед в человеческом сознании рассматривается как то, что хорошо: Ср. метафоры *выйти вперед*, *обойти кого-то*, *опередить в каком-то деле* означают *добиться успеха*. Это – тот случай, когда метафора задает видение мира. Таким образом, все, что связано с будущим, в обществах, живущих идеей прогресса, оценивается положительно. Отсюда *коммунизм* и то, что с ним связано, приобретает положительную оценку; соответственно то, что связано с противопо-

ложным членом оппозиции – *антикоммунизмом* – как тем, что мешает продвижению к будущему, оценивается отрицательно. Необходимость рациональной аргументации отпадает.

На втором уровне порождения текста данная оппозиция разворачивается в дискурсе власти в метафору *мир – поле битвы между коммунизмом и антикоммунизмом*. Процедура установления базовой метафоры заключается в отыскании в тексте метафорических выражений и номинаций, которые мотивировались бы базовым метафорическим понятием, находящимся по отношению к ним в гиперонимических отношениях. Такими метафорическими выражениями в данном дискурсе являются: *идеологические битвы, окопы, поднять на щит, выстрелы в спину, поджигатели войны, холодную войну превратить в горячую, наступательный дух идеологической работы, поднять руку на Советский Союз* (из указанной базовой метафоры вытекает следствие: *СССР – страна коммунизма – на переднем крае борьбы*). Метафора, задающая милитаризованное восприятие мира, обуславливает, в известной степени, и набор используемых номинаций: *враги, предатели, изменники, определенный образом коннотируются и значения имен шпион, убийца*. Эти имена могут использоваться как при описании непосредственной боевой ситуации, так и метафорической. Данный набор обвинений уже запечатлен в общественном сознании на предшествующем историческом этапе, он вновь актуализируется, и строгой аргументации обвинений в общем-то не требуется. "Чем достовернее знание отправителя о тех ассоциативных связях, которые имеются в когнитивной системе получателя, тем успешнее реализуется его намерение о привлечении внимания партнера к тому или иному сообщению" (Бертолет, 1991, 27). Именно благодаря ассоциациям оказывается возможным коннотирование темы "шпион". Это обвинение предъясняется не через лексему *шпион*, а через репертуар лексем, обычно описывающих то денотативное пространство, в котором действует

шпион, т.е. эксплуатируется некоторый набор стандартных знаний о мире, – используются когнитивные структуры получателя: "... *связной* служила некая Элен Замойская. Она ... *тайно* переправляла за рубеж их пасквили". (Феофанов). "Синявский *скрывался* под именем Абрама Терца". (Рустам) "Что же написали эти люди, *тайно* выступавшие за рубежом?" (Кедрина) Для общественного сознания, привыкшего усматривать шпионов даже в крупнейших государственных деятелях, достаточно отдельных знаков, известных по стереотипным контекстам, чтобы восстановить весь контекст. Так вводится обвинение, которое непосредственно не может быть инкриминировано писателям. Интересна и реализация обвинения *убийца*, которое также не могло быть прямо приписано подсудимым. Это обвинение коннотируется метафорами *выстрелы в спину*, *удар из-за угла*, но показательным в этом смысле является фрагмент из статьи Ю. Феофанова "Тут царит закон": "Утверждают, что слово "аржак" (Аржак – псевдоним Ю. Даниэля, прим. авт.) на смоленском говоре некогда означало "бандит". В толковании значения этого слова входит компонент *убийство*: *бандит* – участник нападений с целью грабежа, насилия, *убийства* (СРЯ) Таким образом, не на уровне прямого обвинения, требующего рационального обоснования, а на уровне воздействия на подсознание реципиента – слово *бандит* вызывает богатые ассоциации – осуществляется актуализация стандартного для предшествующих судебных процессов обвинения. Почему в дискурсе власти 60-х годов всплывает традиционный набор обвинений; Трудно говорить, что это – *сознательная* реализация комплексов обычных средств. Возможно, эти обвинения уже зафиксированы в общественном подсознании? Подсознание определяется философами как то, что было осознаваемым или может стать осознаваемым в определенных условиях. Сюда относятся и глубоко усвоенные субъектом социальные нормы. Подсознание консервативно. Некоторыми исследователями экспериментально установлена "трудность

угасания условных реакций, выработанных путем их подкрепления неосознаваемым эмоционально окрашенным стимулом" (Симонов, 1992, 5). В качестве стимула в данном случае, видимо, выступает кампания власти против некоторых из своих граждан, время от времени происходившая в прошлом и требующая соответствующей реакции. Хранящийся в подсознании комплекс привычных обвинений, даже если он неуместен в конкретной ситуации, находит выход в соответствующем дискурсе.

Кроме фрагментов текста, демонстрирующих враждебность двух лагерей, и высказываний, вводящих приведенный набор обвинений, развертку базовой метафоры *мир – поле битвы*... можно усмотреть в еще одном явлении текста. В анализируемом дискурсе достаточно много фрагментов, содержащих упоминание о настоящей – гражданской или Отечественной – войне. "Я и сейчас возвращаюсь памятью к тем страшным дням, когда Латвия стонала под игом фашистских оккупантов." (Гулбис). "Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные 20–е годы..."(Шолохов). "Обыкновенный фашизм", – скажете вы? (Кедрина); Видимо, базовая метафора, находящаяся в сознании членов определенного коллектива, вызывает перемещение в светлую точку сознания фрейма "война". Под фреймом мы понимаем здесь имеющее психологическую реальность лингво-когнитивное понятие, вмещающее в себя знание о мире событий и предметов. Фреймы, по мнению некоторых психологов, аналогичны схемам, схемы же являются тем посредником, через который прошлое оказывает влияние на будущее. В долговременной памяти определенных национальных, языковых и др. коллективов хранятся знания об общественно значимых событиях. Эти знания побуждают воспринимать поступающие извне новые сигналы под их углом. "Каждый человек строит вероятностную модель окружающего мира. Эта деятельность организма – как стремление его к минимизации неожиданности происходящего (упорядочения хаоса), т.е. по мнению Клатцки, синтезиро-

ванный внутренний стимул сопоставляется со стимулом, поступающим извне, и результаты этого сопоставления определяют распознавание" (Сухих, 1990, 13). Очевидно, мы можем говорить о подобном восприятии или интерпретации событий и целыми коллективами – в том случае, когда события или поступки отдельных членов оказываются достаточно необычными для общественной практики, они воспринимаются большинством в терминах прошлых событий. Активизация же в памяти тех или иных фреймов определяется именно наличием определенной базовой метафоры, в данном случае фрейм "война" вызывается "военизированной" базовой метафорой *мир – поле битвы*... Таков когнитивный механизм появления в тексте фрейма "война". С другой стороны, поскольку этот фрейм имеет место в большинстве текстов анализируемого дискурса, мы склонны рассматривать синтаксическое целое, являющееся его текстовым воплощением, как содержательную структуру, выполняющую определенную функцию в реализации интенции отправителей дискурса. Выше отмечалось, что интенция тех, кто порождает текст, определяется фактором адресата. Дело в том, что дискурс власти не является однородным по этому признаку. В нем можно выделить часть текстов, которые мы бы назвали дискурсом – стимулом, – соответственно, другая часть текстов может быть названа дискурсом-реакцией.

Интенция отправителей дискурса-стимула заключалась в подготовке и формировании общественного мнения – авторами текстов здесь выступали люди, которые были знакомы с произведениями писателей или непосредственно с ходом судебного процесса и задача которых заключалась в том, чтобы информировать широкие массы, лишенные возможности непосредственно составить мнение о творчестве писателей. К дискурсу-стимулу мы относим статью Дм. Еремина, с которой началась обвинительно-пропагандистская кампания, выступление общественного обвинителя – литературоведа З. Кедриной и репортажи из зала

суда (3 статьи) Ю. Феофанова. Адресатом, как уже было сказано, являлись рядовые потребители информации, которые таким образом информировались властью о событии под определенным углом его оценки.

Появление фрейма "война" в дискурсе-стимуле имело определенный риторический эффект – оно вызывало аналогию с настоящей войной и побуждало реципиента на подсознательном уровне квалифицировать деятельность писателей, печатавшихся за рубежом, как деятельность предателей, служивших врагу.

Синтаксически оформленную содержательную структуру, имеющую функциональную нагрузку в реализации идеологии отправителя текста и потому регулярно встречающуюся в разных текстах дискурсии мы называем риторическим элементом данного дискурса.

В дискурсе-реакции (к такому мы относим письма-отклики, отправляемые обычно в редакции газет или официальные инстанции) интенция отправителей заключалась в том, чтобы выразить чувство единомыслия с властью, и адресатом становилась непосредственно сама власть. Можно в ряде случаев говорить о почти зеркальном отражении дискурса-стимула в дискурсе-реакции: "Первое, что испытываешь при прочтении их сочинений – это брезгливость ... Ведь с их помощью можно посеять ядовитые семена болезненного интереса к темным проблемам жизни: Оба выплескивают на бумагу все самое грязное" (дискурс-стимул). "Действительно, только чувство брезгливости вызывают грязные опусы этих нравственных уродов, специалистов по темным проблемам жизни" (дискурс-реакция). Единство выражений говорило о предельном единстве позиции. Думается, что использование фрейма "война" в дискурсе-реакции способствовало реализации иной интенции – говорить на одном языке с властью, оперировать ее понятиями, дабы таким путем выразить поддержку ее позиции. Если в первом случае риторический элемент, выражающий фрейм "война", имел своей целью побудить реципиента опреде-

ным образом осуществить категоризацию действительности, то во втором случае сигнализировалось единение с властью. Первый риторический элемент мы назовем убеждающим, второй – подтверждающим.

Различие интенций отправителей дискурса-стимула и дискурса-реакции проявляется и в строении соответствующих текстов.

Тексты, составляющие дискурс-стимул, имеют своим зачином фрагмент, разворачивающийся на основе оппозиции *коммунизм-антикоммунизм* и информирующий читателя о сенсационной шумихе в западной прессе по поводу начавшегося в СССР процесса над двумя писателями. Западная пресса получает следующие номинации и атрибуции: буржуазная печать, капиталистическая пресса, нечистая совесть западных пропагандистов, черная рать антисоветчиков, нищие духом, враги коммунизма. Большинство номинаций, как мы видим, строится на признаке идеологической принадлежности. Высокая оценка произведений со стороны врагов – о ней сообщается в зачине текстов-стимулов – становится знаком идеологического преступления Даниэля и Синявского. Начало создает враждебное отношение к "антикоммунистам" и задает определенные ожидания в отношении их последующих характеристик.

Дискурс-реакция в своем зачине имеет выражение чувств гнева, презрения и т. д. и строится на основе оппозиции *патриотизм – антипатриотизм*, о чем будет сказано ниже.

Начальное положение анализируемой оппозиции в дискурсе-стимуле говорит о ее приоритете в сознании, об идеологической принадлежности как наиболее важной характеристике явления. Это подтверждается и отдельными фрагментами дискурса: "Но дело не только в нравственной оценке поведения Синявского... Дело прежде всего в том, что сочинения Терца полны ненависти к коммунизму, марксизму..." (профессора МГУ).

То, что связано с позитивным членом пары *коммунизм* и противопоставлено *антикоммунизму*, определяется признаками *наш* и *советский*. Анализируя в свое время тексты речей Вышинского (см. Лассан 1991), мы отмечали слово *наш* как обладающее очень высокой частотой употребления (*наш народ, наша партия, наш строй*), полагая, что риторический эффект такого употребления заключается в формировании у реципиента чувства личной причастности к официальным структурам, и соответственно, такого восприятия мира, при котором деяние, направленное против государственных институтов, воспринималось бы как направленное против каждого гражданина в отдельности. Представляется, что употребление *наш, советский* в данном дискурсе может быть связано с иным содержательным характером этих обозначающих, обусловленным именно идеологическим контекстом функционирования.

Б. Гройс, говоря о русской национальной идентичности, отмечает, что русская философская мысль, занятая поисками национальной идентичности, осознавала Россию как нечто радикально ИНОЕ по отношению к истории культуры, мышления, Духа, даже души... "Чаадаев открыл в России Иное по отношению ко всей мировой истории. При этом русская философская мысль подвергала сложившиеся формы русской жизни критике, помещая подлинную Россию либо в предысторию, либо в утопическую перспективу" (Гройс, 1992, 59). При таком подходе слово *наш* должно приобрести отрицательные коннотации. Именно такое употребление имело место в известный нам период последних десятилетий советской власти – *наш* в определенном контексте значило признак явления, уступающего мировым образцам: наши товары, наша медицина, наш суд и т. д. В советские годы в официальной идеологии Россия, СССР также рассматривается как осуществление "дискурса об Ином" но это отличие трактуется теперь как явление положительное. Слово *наш* имеет сугубо положительные коннотации ("Советское – значит отличное"). *Наш*, как и его си-

ноним *советский*, означает то, что выше мировой практики. Отклонения от общепринятой морали, юридической практики и т. д. мотивируются исключительностью СССР, где все то, что "наше", становится знаком высокой пробы. "Наследники Смердякова, нетерпимы в нашей среде... " (Кедрина). А в другой среде наследники Смердякова терпимы? "Где бы ни выступал *советский* человек, он должен выступать как советский патриот" (Шолохов). Звание *советского* налагает определенные обязательства, которых, по видимому, нет у представителей других государств. "Абрам Терц осмелился осуждать... *нашу* мораль..." (профессора МГУ).

Таким образом, *наш* становится знаком Иного, и это Иное выше сложившихся мировых форм. Думается, что в данном случае мы имеем иллюстрацию бахтинского тезиса о том, что социальная оценка, которой обладает слово, соединяет материальный комплекс слова с его конкретным историческим употреблением и порождает его значение: значение притяжательного прилагательного *наш* в высказывании *наша квартира маленькая* не тождественно значению *наш* в высказывании *вы же знаете наши* (советские) *квартиры*. Употребление *наш* как знака высокого отличия также является своеобразным правилом "языковой игры" власти, не встречающимся в языковой игре другого общественного направления.

В свое время было отмечено почти буквальное совпадение концовок речи А. Вышинского на процессе Бухарина и статьи Дм. Еремина "Перевертыши". Еремин: "Пройдет время, и о них уже никто не вспомнит. На свалке истлеют страницы, пропитанные желчью. Ведь история не раз подтверждала: клевета, какой бы гнусной и злобной она ни была, неизбежно испарится под горячим дыханием правды". Вышинский: "Пройдет время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом. А над нашей счастливой страной по-прежнему ясно и радостно будет сверкать своими светлыми лучами наше солнце". Общ-

ность здесь не в совпадении лексического состава высказываний, а в общей тональности высказывания – выражении уверенности в том, что будущее – это торжество той идеи, которую исповедует говорящий. Аналогичные концовки вычленяются и в других текстах анализируемой дискурсии. С. Рустам: "Наша дорога светла и солнечна". З. Гулбис: "Самым тяжким наказанием для них явится презрение и гнев советских людей, чей светлый день не в силах омрачить никакие даниэли и синявские". З. Кедрина: "Напрасные надежды, господа". Здесь ориентация на будущее выражена опосредованно – через форму совершенного вида глагола *явится (презрение)*, через соответствующие лексемы, коннотирующие или содержащие в своем значении сему "будущее": так, *дорога* ассоциируется с движением вперед, слово *надежда*, использованное в заключительной фразе текста З. Кедриной, означает чувство, связанное с ожиданием блага в будущем. *Напрасные надежды, господа* равнозначно *будущее не с вами, господа*. Поскольку выражение уверенности в будущем достаточно регулярно воспроизводится в текстах анализируемого дискурса, причем в фиксированном месте текста, наиболее поддающемся запоминанию – его конце, можно вычленить еще один общий риторический элемент – выражение отношения к будущему. Появление этого риторического элемента объясняется общим мироощущением, согласно которому коммунизм – это светлое будущее человечества... Вот как об этом пишут философы: "Культовое сознание окрыляется надеждой скорого счастья ... В прекрасном и радостном мире надежды живут они (советские люди) Никогда самые светлые идеалы грядущего не придвигались так близко к самой кромке исторического дня ..." (Исупов, 1992. 109).

Кроме отношения к будущему, в анализируемом дискурсе можно отметить еще одну особенность ощущения времени: хронотоп, в котором пребывает говорящий, редко характеризуется качественно (это имеет место в письмах-откликах из среднеазиатских республик, в 30-е годы в речах

Вышинского хронотоп характеризуется превосходными эпитетами), а временем, достойным подражания, выступает прошлое – по отношению к нему ведется отсчет поступков. Прошлое – это жизни, отданные за наши великие цели, поэтому сомнения в этих целях святотатственны. Уже говорилось о регулярном воспроизведении в дискурсе власти фрейма "война". Война выступает временем подлинных ценностей: слова Шолохова о том, что в памятные 20-е годы таких молодчиков бы расстреляли, были встречены в зале аплодисментами. Таким образом, говоря об ощущении времени и его передаче в дискурсе, можно сказать, что фиксируются две временные точки: прошлое (гражданская и отечественная война) и будущее, которое светло и прекрасно – воистину: "Есть только миг между прошлым и будущим".

Мы проделали когнитивно-риторический анализ фрагментов дискурса власти, построенных на оппозиции *коммунизм – антикоммунизм*. Нужно сказать, что в контрдискурсии такая оппозиция нами выделена не была. Соответственно, в этой дискурсии отсутствуют и I) фрагменты дискурса, рисующие идеологическую противопоставленность двух лагерей или проявление идеологической враждебности кого бы то ни было к СССР и коммунизму; 2) "милитаризованные" метафоры; 3) номинации *изменник, предатель, шпион, убийца* и речевые средства, которые могли бы коннотировать эти значения; 4) фрейм "война" как риторический элемент и как выражение точки отсчета ценностей; 5) употребление *наш* и *советский* в социально оценочном значении особого Иного; 6) риторический элемент – концовка "выражение уверенности в будущем".

Оценочная номинация *враги* в дискурсе инакомыслия встречается – в послесловии Вяч. Иванова к прозе Терца: "Для этого перерыва, который был бы только вреден для нашей литературы и полезен для ее врагов, нет никаких оснований". Здесь речь идет не об идеологических противниках – коммунистах и антикоммунистах, а о весьма рас-

плавчатом понятии "враги литературы". Тем не менее, будучи употребленным в идеологически концентрированном, наэлектризованном общественном контексте, слово *враги* безусловно индуцирует привычные коннотации: враги нашей (советской) литературы – *не наши*. Здесь возможен метонимический процесс мышления: содержание обозначаемого *враги (литературы)* может расширяться до *враги государства*. Думается, что употребление номинации, свойственной дискурсу оппонентов и привычной для обработанного в соответствующем духе всей предыдущей риторической практикой общественного сознания, есть определенный компромисс, игра по существующим правилам ("Путь к успеху состоял в том, чтобы следовать правилам" (Мамардашвили, 1992, 100). Те, кто думает и говорит иначе, должен, чтобы эффективно воздействовать на реципиента, говорить на понятном ему языке, т. е. для выражения когнитивного конфликта с властью следовало находить приемлемые речевые способы выражения этого конфликта, идти на определенные языковые компромиссы.

Рамки журнальной публикации не позволяют подробно остановиться на реализации каждой оппозиции в дискурсе. Поэтому ограничимся общей характеристикой результатов, полученных в ходе когнитивно-риторического анализа двух дискурсов.

Патриотизм – антипатриотизм. Эта оппозиция имеет место и в дискурсе власти, и в модифицированном виде – в дискурсе инакомыслия. Реализуется через разные базовые метафоры. В дискурсе власти такой метафорой является *Родина – мать*, в контрдискурсии – *любовь к Родине должна быть зрячей*. Разные базовые метафоры имеют разные следствия, пространно разворачивающиеся в текст. Следствием из первой метафоры является интерпретация определенных поступков в духе легенды о библейском Хаме – тот, кто говорит о родителях плохо, аморален; тот, кто вскрывает недостатки Родины – антипатриотичен. Отсюда характеристики писателей передаются через

выражения, связанные с моральным аспектом проблемы: *моральные уроды, бездна нравственного распада, омерзительные писания*, которые вызывают *чувство брезгливости* и т. д. Поскольку *наш* обозначает особый род качества, неподвластного критике, постольку все, что вызывает сомнения в совершенстве *нашего*, объявляется клеветой. Отсюда набор обвинений, связанных с темой "клевета": *отвратительные клеветники, пасквилянты, злобная клевета* и т. д. Основные глаголы, описывающие деятельность подсудимых: *осквернять, очернять, охаять, вылить помойку на клеветы* и т. д.

Базовая метафора дискурса инакомыслия имеет своим следствием суждение *тот, кто любит Родину, видит ее боль*. В текстах инакомыслия своеобразным риторическим элементом можно считать прецедентные тексты – цитаты, принадлежащие М. Чаадаеву и П. Долгорукому, – людям, сказавшим в свое время: "Истина выше Родины" и "Для России врач – гласность". Появление соответствующих фреймов "Чаадаев" и "Долгорукий" объясняется тем же психологическим механизмом, когда настоящее интерпретируется в свете прошлого. Риторический эффект от введения соответствующих фреймов заключается в том, что поступок писателей, сказавших о недостатках родины, предстает не как аномалия, а как проявление гражданской традиции, связанной со славными именами.

Различные базовые метафоры обусловлены разной трактовкой означаемых *патриотизм – антипатриотизм* в двух дискурсах. В дискурсе власти вскрытие недостатков Родины или разговор о них рассматривается как составляющая понятия, обозначающим для которого является *антипатриотизм*. Дискурс инакомыслия находится по этому вопросу в отношениях диалога – полемики с дискурсом власти. Вскрывать общественные недостатки – значит способствовать извлечению общественной болезни, молчать о них – не быть патриотом. Обозначаемые членов бинарной оппозиции как бы меняются местами – то, что в дискурсе

власти считается антипатриотизмом, в контрдискурсии подводится под номинацию *истинный патриотизм* и, напротив, то, что полагается патриотичным – славословие – рассматривается как *мнимый патриотизм*.

Таким образом, в вопросе понимания патриотизма имеет место когнитивный конфликт, причина которого заключается в различных мыслительных моделях субъектов, порождающих разные дискурсы: в основе дискурса власти лежит метонимическая модель мышления, согласно которой критика отдельных сторон действительности есть критика самих ее основ, т. е. критика части воспринимается как критика целого; в дискурсе инакомыслия проводится настойчивое требование разграничивать составляющие модели: "Таким методом нетрудно объявить антисоветским негодное кому-либо произведение, вплоть до заметки в стенгазете, критикующей работу столовой – столовая-то наша, советская" (Герчук). Известно, что на процессе Даниэля и Синявского обвинители прибегали к приемам, которые принято считать "недобросовестными" – обрыв цитаты, отождествление точки зрения автора с речами персонажей. В сущности, и обрыв цитаты, вызывающий искажение мысли при ее передаче, и отождествление взглядов отдельных персонажей с целостным авторским мировоззрением есть проявление той же метонимической модели мышления.

Таким образом, можно сказать, что когнитивный конфликт двух дискурсов в отношении понятия *патриотизм* обусловливается различным направлением мыслительных процессов: метонимическим представлением целого через часть в дискурсе власти и размежеванием составляющих этой модели в контрдискурсии.

Законность – беззаконие. Эта оппозиция становится основой развертки больших фрагментов дискурса инакомыслия и занимает очень незначительное место в дискурсе власти. И здесь ощущается когнитивный конф-

ликт, заключающийся в разной трактовке означаемого *законность*.

В дискурсе инакомыслия законность понимается как возможность установления степени вины только на основе строго определенной юридической процедуры и в соответствии со статьями уголовного кодекса. В дискурсе власти усматривается стремление подвести под понятие законности возможность осуждения, признания юридической вины на основе нравственного чувства.

Дискурс инакомыслия – Лидия Чуковская "Открытое письмо Михаилу Шолохову...": "Суд над писателями Синявским и Даниэлем по внешности совершался с соблюдением всех формальностей, требуемых законом. С Вашей точки зрения, в этом его недостаток, с моей – достоинство".

Дискурс власти – из речи М. А. Шолохова на XXIII съезде КПСС: "Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные двадцатые годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а руководствуясь революционным правосознанием (аплодисменты), ох, не ту меру наказания получили бы эти подонки". (Аплодисменты). Как видно из приведенных слов и дважды раздавшихся в этом месте аплодисментов, нравственное чувство как основа привлечения к ответственности осознается более весомым фактором, по отношению к которому квалификация вины на основе уголовного законодательства выступает чем-то вторичным.

Особенностью данной оппозиции является то, что она разворачивается в текст, как нам представляется, не через базовые метафоры – возможно, потому, что, с одной стороны, язык, связанный с этой сферой жизни, требует четкости, однозначности изложения, а не метафорики, с другой – слабая укорененность понятия *законность* в массовом сознании не способствовала выработке богатых языковых средств, связанных с судопроизводством. В дискурсе инакомыслия, во всяком случае, мы не встретили метафорических выражений, позволяющих генерировать базовую мета-

фору, зато здесь велико число слов и выражений, связанных с понятием *отправление закона* : *противоречить законодательству, попытки давить на суд, судебная процедура, юридическое определение вины, обвинительное заключение* и т. д. Можно говорить о некоторых посылках, через которые проявляется взгляд на мир в дискурсе инакомыслия. Одной из таких посылок является *литература неподсудна уголовному суду*, и значительные фрагменты дискурса посвящены ее развертке. В дискурсе инакомыслия можно усмотреть базовую метафору, связанную с представлением второго члена оппозиции *законность – беззаконие: беззаконие – это 37-ой год*. Отсюда постоянное появление в текстах контрдискурсии фрейма "годы сталинских репрессий", отсутствующего в дискурсии власти. Это когнитивное различие, проявляющееся в дискурсах, отметил в свое время Варлаам Шаламов: "Общественный обвинитель ... вызвал к памяти 73-х писателей, погибших на войне ... От имени погибших он обвинял Синявского и Даниэля. Если бы на этом процессе дали выступить общественному защитнику, тот бы защитил Синявского и Даниэля именем писателей, замученных, убитых, расстрелянных ... в сталинских лагерях".

В дискурсе власти, как уже было сказано, оппозиции *законность – беззаконие* принадлежит незначительное место в порождении текста. Здесь можно говорить о некоторой базовой метафоре, задающей видение мира: *кто поднял на нас руку, тот преступник*. Расплывчатость понятия *поднять руку* обуславливает как расплывчатость понятия *законность*, так и нечеткость обвинений, выраженных именами *клеветник, предатель, изменник*. Эти имена, используемые и при реализации оппозиции *патриотизм – антипатриотизм* и употребляемые там скорее в эмотивном значении, должны быть употреблены в сфере, связанной с деятельностью суда, как юридические понятия, т. е. с четко описанным дескриптивным значением. Имеет место своеобразная "абerrация" словоупотребления, так как слова с эмотивно-оценочным значением начинают осознаваться

как юридически квалифицируемые обвинения, на основе которых возможно уголовное, а не моральное осуждение.

Гуманизм – негуманность. Фрагменты текста, посвященные развертке этой оппозиции, незначительны в обоих дискурсах, однако все-таки шире эта оппозиция представлена в контрдискурсии.

В дискурсе власти можно выделить базовую метафору *непримиримость – оборотная сторона нашего гуманизма*, следствием из которой является деление гуманизма на *наш – социалистический* и *их – буржуазный*, который приравнивается к "слюняйству". *Социалистический гуманизм* не предполагает снисхождения к врагу. Это понятие обычно в дискурсе власти мотивируется контекстом, который соответствующим образом описывает явления, требующие нашей непримиримости: "Мы умеем, идя по дороге, вырывать с корнем сорняки" (Рустам).

В контрдискурсии гуманизм понимается в традиционном для русской и мировой культуры ключе – как "милость к падшим". Видимо, так и следует определять базовую метафору: *гуманизм – это милость к падшим*. Отсюда в дискурсе – просьбы о помиловании, о том, чтобы отдать писателей на поруки, упоминания о традициях русской литературы, о заступничестве, в котором видели свой долг русские писатели. Таким образом, и здесь можно констатировать когнитивный конфликт в понимании ключевого (позитивного) члена оппозиции – *гуманизм*.

Итак, предложенный метод когнитивно-риторического анализа, примененный к двум дискурсиям – власти и инакомыслия, – позволил выявить такие элементы текста, которые, с одной стороны, отражают этапы его когнитивного порождения, с другой – определенные составляющие общественного сознания, порождающего тот или иной дискурс. Как представляется, в ходе анализа был выявлен когнитивный конфликт в вопросе трактовки трех понятий – патриотизма, законности, гуманизма, составляющий суть полемики – диалога рассматриваемых дискурсов, а обна-

руженное отсутствие оппозиции *коммунизм — антикоммунизм* в дискурсе инакомыслия позволяет констатировать наличие того типа сознания, утверждение которого позднее приведет к признанию приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми и в официальной идеологии.

THE PRINCIPLES OF COGNITIVE-RHETORIC ANALYSIS OF SOCIAL-POLITICAL DISCOURSE

E. R. LASSAN

S u m m a r y

The article suggests a new method of discourse analysis — the cognitive-rhetoric method. The material of our investigation is social-political texts of the 60th connected with Danyel-Syniavsky process.

The text is represented as a structure based on the binary oppositions of ideas. These oppositions have a scope to develop to conceptual metaphors. The last point of analysis is provision with words depending on the features of an addressee.

Л и т е р а т у р а

Бахтин М. М., 1976, Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Наука.

Бахтин М. М., 1986, Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство.

Барт Р., 1983, Нулевая степень письма. — Семиотика. Москва: Радуга, 306–350.

Бертолет Р., 1991, Что говорится или непрямая передача высказывания. — РЖ, № 3, 27–29.

Гройс Б., 1992, Поиск русской национальной идентичности. — ВФ, № 1, 52–61.

Исупов К. Г., 1992, Мифология истории. — Логос, кн. 2, 104–113.

Ковельман А. Б., 1988, Риторика в тени пирамид. Москва: Наука.

Лассан Э. Р., 1991, О власти языка и языке власти. — *Kalbotuga* 42(2).

Лакофф Дж., Джонсон М., 1987, Метафоры, которыми мы живем. — Язык и моделирование социального взаимодействия. Москва: Прогресс, 126–172.

Мамардашвили М. К., 1992, Мысль под запретом. — ВФ, № 5, 100–116.

Серль Дж. Р., 1992, Перевернутое слово. — ВФ, № 4, 58–70.

Современная западная философия. Словарь, 1991. Москва: Изд. политической литературы.

Сухих С. А., 1990, Семантическая организация текста и принципы ее анализа. – Логико-семантические и прагматические проблемы текста. Красноярск, 13–18.

Цена метафоры или преступление и наказание Синявского и Даниэля. Москва: Юнона, 1990.

Вильнюсский университет
Кафедра русского языка

Март 1993